

11. Антонович, В. Б. Очерк состояния православной церкви в Юго-Западной России с половины XVII до конца XVIII столетия / В. Б. Антонович. // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. – Т. 1. – С. 265–278. – Киев : типография Е. Я. Федорова, Крещатицкая площ., 1885. – 351 с.

12. Антонович, В. Б. Очерк отношений польского государства к православию и православной церкви / В. Б. Антонович. // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. – Т. 1. – С. 279–342. – Киев : типография Е. Я. Федорова, Крещатицкая площ., 1885. – 351 с.

13. Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. – Ч. 1. – Т. 6: Акты о церковно-религиозных отношениях в Юго-Западной Руси (1322–1648 г.). – Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883. – 939 с.

14. Левицкий, О. Предисловие / Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе / О. Левицкий. – Ч. 1. Т. 6: Акты о церковно-религиозных отношениях в Юго-Западной Руси (1322–1648). – Киев : Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1883. – С. 1–6.

УДК 930.1”18/19”

И. А. Грищенко

ГГТУ имени П. О. Сухого, г. Гомель

ПРОТОИЕРЕЙ ИОАНН ГРИГОРОВИЧ: МАЛОИЗУЧЕННЫЕ СТРАНИЦЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье раскрываются основные направления исследований протоиерея Иоанна Григоровича как члена Румянцевского историографического кружка. Выявлен его вклад в развитие белорусоведения. Охарактеризована деятельность И. И. Григоровича по изданию материалов по отечественной истории.

Начало XIX в. для России ознаменовалось ростом национального самосознания, что всегда сопровождается повышенным интересом к отечественной истории. Подтверждением тому служит тот факт, что первые восемь томов «Истории государства Российского»

Н. М. Карамзина, вышедшие в 1818 г. в 3 тыс. экземпляров, были распроданы в течение одного месяца, и потребовалось их второе издание [1, с. 84]. Однако подготовленные Румянцевским кружком и печатавшиеся тиражом всего в 600 экземпляров сборники древних актов, оставались нереализованными всю первую половину XIX в. [2, с. 32]. Кроме того, необходимо было преодолеть предвзятое отношение к допетровскому периоду русской истории. Министр народного просвещения граф П. В. Завадовский считал, например, что «писателю, просвещенному довольно было бы и одной страницы» для русской истории до Петра Великого [2, с. 135]. Российская историография в начале XIX в. делала первые шаги. В этой связи актуальным стал сбор памятников древнерусского летописания, документов, относящихся к истории восточных славян начиная с периода Киевской Руси до XVIII в. Ближайшей задачей русской исторической науки становится критическое изучение и издание источников, а не публикация занимательных исторических рассказов.

Трудно переоценить вклад в развитие русской историографии графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826), организовавшего историографический кружок, который занимался поиском, систематизацией, публикацией древних манускриптов. Пользуясь своими дипломатическими связями, граф направлял своих помощников в иностранные архивы. Не менее ценными оказались отечественные хранилища, включая подвалы монастырей. В поисках старинных документов приходилось сталкиваться с трудностями: первоисточники, рассеянные по канцеляриям, городам, монастырям, хранились без надзора в плохих помещениях, а порой пергаментные манускрипты выбрасывались как ненужный хлам. К. Ф. Калайдович по этому поводу сетовал: «В России много отечественных древностей. В одном краю они гниют в углах монашеских, в других невежество жжет их, употребляя на обертки, кое-где попадают они в руки мелочных торгашей и продаются иногда за бесценок и очень, очень редко появляется знающий охотник, который с возможным тщанием хранит их и делает из них лучшее употребление» [3, с. 13]. Много было потеряно во время войны 1812 г. Так, например, пострадал Радзивилловский архив, – французские солдаты резали пергамент и подтачивали на подтяжки, с грамот срывали и похищали печати [1, с. 109–110].

Граф Н. П. Румянцев задумал крупномасштабный проект – создание русского аналога французского «Дипломатического корпуса» Дюмона. В реализации этого проекта ему помогали профессионалы, знатоки истории, владеющие иностранными языками. Среди них

Н. Н. Бантыш-Каменский, П. М. Строев, К. Ф. Калайдович, А. Ф. Малиновский. Работа продвигалась крайне тяжело. Граф Н. П. Румянцев ассигновал 25 тыс. рублей на публикацию списков летописей, полагая, что это лучше доверить Академии Наук. Однако академические круги отнеслись к этому без энтузиазма. Академик Ф. И. Круг, которому предложили руководить этой работой, заявил, что она ему не принесет славы [4, с. 172]. Румянцев пригласил к сотрудничеству русских ученых А. Н. Оленина, А. Х. Востокова, А. И. Ермолаева, Я. О. Пожарского, Г. И. Спасского. Членом этого кружка был и гомельский протоиерей Иоанн Иоаннович Григорович (1790–1852).

Сын священника, Иоанн Григорович получил семинарское образование, но продолжать обучение в духовной академии не мог по недостаточности средств, – в семье отца, помимо Иоанна, было еще пятеро детей. Высшее образование в Петербургской духовной академии Иоанн Григорович получил при финансовой поддержке графа Н. П. Румянцева, в гомельском имении которого служил священником его отец.

Будучи студентом, И. И. Григорович начал сотрудничать с Румянцевским кружком. В 1819 г. он перевел с латыни труды известного историка книги, директора библиотеки Ягеллонского университета Г. С. Бандтке, который в библиотеку Румянцева отправил свою «Историю Польской Короны» и «Краковские записки» 1814–1815 гг. Бандтке предложил заняться историей издателя Фиоля, который в конце XV века напечатал кириллицей первые славянские книги. Перевод «Истории Фиоля» был выполнен И. И. Григоровичем по заказу канцлера Н. П. Румянцева. При его же содействии в 1821 г. в Москве был издан «Исторический и хронологический опыт о Посадниках Новгородских. Из древних Русских летописей». Эта студенческая работа И. И. Григоровича удивила масштабностью: при ее написании было использовано 15 летописных сводов. Иоанн Григорович отметил в предисловии, что труд был написан во многом благодаря содействию графа Н. П. Румянцева, который предоставил необходимые материалы, а сам автор скромно отмечал, что «во многих случаях руководствовался полезными его наставлениями и критическими замечаниями» [5, с. V].

Выпускник Духовной академии, кандидат богословия И. И. Григорович принял решение вернуться в Гомель и занять место отца в качестве священника Петропавловского собора. Румянцев несколько огорчился этим решением, не желая терять ценного сотрудника. В этой связи он писал своему воспитаннику: «Вы имеете право руководить своей судьбой, а я уважительно отношусь к духовному званию... Однако нельзя не обратить внимание, что это отсекает Вас от моих

планов. Увидев в Вашем лице выдающиеся способности к исследованию и переводу наших летописей, я б хотел, чтобы Вы посвятили себя этой работе и остались в столице среди многочисленных источников, пользуясь многочисленными библиотеками» [6, с. 8]. Иоанн Григорович был рукоположен в священника могилевским архиепископом Даниилом 28 января 1820 г. В том же году протоиерей Иоанн Григорович получил должность ректора гомельского уездного и приходского училищ [7]. Однако он не оставил своих историографических изысканий, сконцентрировавшись на белорусском материале. При исследовании архивов Северо-Западного края, в одном из монастырей Полоцка было обнаружено Добролюво Евангелие 1164 г. В монастыре Гродненской губернии была найдена Супральская летопись. В Гродно попали на след архива Сапегов. Беларусь стала, наряду с Москвой и Петербургом, третьим российским научным центром Румянцевского кружка. К 1823 г. в Гомеле накопилось богатое собрание документов, позволившее И. И. Григоровичу поставить перед Н. П. Румянцевым вопрос об издании древних источников по истории Западного края. В пожеланиях и советах графа по поводу комментариев к издаваемым документам проявился дух просвещенного века, с его культом толерантности и плюрализма. Румянцев писал Григоровичу: «Хвалю тот план, который Вы начертали себе для введения к изданию Белорусских грамот. Конечно, дух папизма, как пишете, надобно обнаружить, но без всякой желчи и той ненависти, которую часто являли наши духовные особы к католической религии. Известная мне кротость духа Вашего ручается, что Вы напишете справедливо, и тем отдалите от себя могущие быть укоризны» [8, с. 182].

В поисках древних раритетов использовался метод сплошных просмотров, часто неоднократных. В розысках И. И. Григоровичу помогал штат сотрудников, привлеченных Н. П. Румянцевым: А. М. Дорошкевич, И. Сыщанко, Н. Н. Данилович, И. Н. Лобойко, Н. Г. Горатынский, Н. А. Мурзакевич, И. Шулякевич. Было обследовано более 30 государственных, частных и церковных хранилищ, составлено несколько тысяч копий документов [9, с. 211]. Историографу важно уметь объективно оценивать документ. Вот как об этом писал сам И. И. Григорович: «Отечественные летописи представляют происшествия в таком виде, в каком смотрели на них современники, или большей частью писатели времен позднейших, и судили о них по слухам, по собственным соображениям и догадкам, без связи с другими событиями. Но письменные хартии, переживая бытописателей в своем тлении, раскрывают перед очами отдаленных

потомков дух предков во всех его развитиях, объясняя сокровенные побуждения, причины и соотношения дел их. Здесь умолкают всякого рода слухи, и при свете истины исчезает сумрак догадок произвольных; события озаряются лучами ея, и беспристрастная История кладет печать на свое творение» [10, с. V].

В 1824 г. на средства Н. П. Румянцева была издана первая часть «Белорусского архива древних грамот», подготовленная И. И. Григоровичем. Отправляя протоиерею Иоанну накануне Пасхи первый экземпляр, граф Николай Петрович приложил записку: «Примите, вместо красного яйца, первую напечатанную часть Архива Белорусских грамот» [6, с. 9]. Каждый скопированный документ сопровождался его описанием, все печати были тщательно перерисованы, подписи воспроизведены через копирку. Во вступительной статье к «Белорусскому архиву» Григорович подчеркнул, что многие документы имеют отношение не столько к российской истории, сколько к истории Белой Руси и именно поэтому интересны [10, с. VII]. Довольно смелое высказывание, если соотнести его с официальной политикой в отношении Западного края вообще и белорусов в частности. Погружение в архивный материал позволило И. И. Григоровичу сделать вывод об уникальности исторической судьбы белорусского народа. Своему брату он писал: «Наша Беларусь не исчезнет с лица земли, пусть знает мир, что было время, когда она была более славной и добродетельной, чем сейчас» [6, с. 15].

Ознакомившись с собранными документами, Н. П. Румянец посоветовал И. И. Григоровичу составить русско-белорусский словарь. Спустя двадцать лет такое же пожелание высказал министр народного просвещения князь П. А. Ширинский-Шихматов, предложив И. И. Григоровичу издать «Словарь белорусских наречий». Профессор Виленского университета И. Н. Лобойко, по поводу обилия документов на белорусском языке, писал И. И. Григоровичу в 1824 г.: «Когда я приехал в Вильно, я весьма удивлен был письменными памятниками белорусского наречия, но мое удивление еще более возросло, когда я увидел, что здешние архивы по большей части ими наполнены, а кроме того, на здешнем наречии оказалось немало и печатных книг». Лобойко не скрывал своего восхищения: «...не могу в полной мере изъяснить моего удовольствия, что белорусская словесность еще при жизни моей из мрака забвения с таким достоинством выступает на свет» [11, с. 19]. Встретив много непонятных слов, профессор Виленского университета так же посоветовал Григоровичу составить словарь белорусского наречия.

Для работы над словарем Григорович счел необходимым обратиться к трудам П. Берынды, С. Будного, И. Голятовского, И. Гизеля, Л. Зизания, З. Копыстенского, С. Коссова, Л. Кревзы, П. Могилы, Герасима и Мелетия Смотрицких, поскольку многие слова уже вышли из обихода. К области распространения «западнорусского» языка Григорович отнес всю Литву, Галицию, Закарпатье, часть Правобережной Украины, исключив Левобережье и Киевщину. Григорович, таким образом, собирался положить в основу словаря книжный язык XVI–XVII вв. В черновом варианте Григорович составил словарь в 1838 г. В 1851 г. он его значительно расширил, сосредоточившись в основном на лексике Восточной Беларуси, приложив ко многим словам пословицы и поговорки, как пример использования этих слов в живой речи белорусов.

Бацька – мест. отец. – Што поп, то бацька [12].

Варивцо (вариво) – Нема хлеба ни крошки, а ни варивца ни ложки.

Вальный – общий; в просторечии – пышный, роскошный: На вальный обед с сытым брюхом.

Валей – народное «лучше»: Валей с голоду пропасти, чим чужое вкраси.

Акциденция – от лат. случай, приключение; в юриспруденции – взятка: За акциденции бывает лиска без хвоста [13].

В чистовом рукописном варианте словаря Григорович вставил много юридических терминов, взятых из документов, государственных бумаг: *алемания, амбиция, ангаризация, апограф, апологиста, апостата*. На некоторые понятия дается ссылка на источник. Так, например, слово *апостата*, означающее богоотступник, сатана, встречается в слове епископа Георгия Конисского, сказанного в защиту православных Речи Посполитой: «За то, что мы не дерзаем толковать вечные Божии законы в угоду мнениям людским, называют нас схизматиками, еретиками, *апостатами*» [13].

Закончить работу над «Словарем» Иоанну Григоровичу не удалось, в октябре 1852 г. он скончался и был похоронен на Волковском кладбище Санкт-Петербурга. В биографии своего отца Николай Григорович указал, что словарь на буквы «А», «Б», «В» (то, что успел составить Иоанн Григорович) был напечатан в «Известиях II отделения Академии наук», но не были указаны ни год, ни номер «Известий». Поскольку просмотр всех номеров «Известий» за 1852–1863 гг. не дал результата, специалист по историографии В. С. Иконников в 1891 г. высказал предположение, что словарь И. И. Григоровича в свет не вышел. Значительно позже, в 1960-х гг. главный библиограф Белорусской

государственной библиотеки им. В. И. Ленина Н. Б. Ватаци, проанализировав все источники, включая архив И. И. Григоровича, пришла к выводу, что словарь был набран для печати и возможно отпечатан, но в свет так и не вышел. Скорее всего, «Известия» решили начать публикацию белорусско-русского словаря в расчете на его продолжение. После смерти И. И. Григоровича редакция не захотела публиковать уже набранный материал. Не исключено и вмешательство цензуры.

Проживая в Санкт-Петербурге с октября 1830 г. И. И. Григорович совмещал священническое служение в лейб-гвардии финляндском полку с обязанностями главного редактора актов археографической комиссии. Он продолжал издавать историографические материалы («Известия о древнем храме Христа Спасителя, построенного в XII веке, преподобною Ефросиньею близ Полоцка», «Историческое сведение о жизни Митрофана первого Воронежского епископа», «Переписка пап с Российскими государями», «Акты Западной России»).

Вторую часть «Белорусского архива» И. И. Григоровичу так и не удалось опубликовать. Макет полностью подготовленной к изданию второй части был составлен И. И. Григоровичем в Гомеле и датирован 26 декабря 1825 г. Вторая часть включала в себя документы по истории Беларуси с середины XIII в. до начала XVIII в. Это жалованные грамоты королей и князей на земельное владение, грамоты о пожалованиях православным церквям и монастырям прав, уставные грамоты, определявшие размеры и виды повинностей различных сословий, дипломатическая переписка русских и литовских князей, польских королей, запись очевидца о взятии русскими войсками Гомеля в 1581 г. [14, с. 36]. Многие документы из рукописи второй части «Белорусского архива» вошли в пятитомник «Актов Западной России». В 1830-е гг. в Российской империи актуализировался вопрос воссоединения униатов с православными. Поэтому не случайно из пяти томов «Актов Западной России» четвертый почти весь посвящен Брестской унии. В четырех остальных томах конфессиональные проблемы также занимают заметное место. Православного пастыря Иоанна Григоровича заботило то, как воспримут православные историки документы, содержащие положения католического вероучения, поэтому он счел необходимым в предисловии «Переписке пап с Российскими государями» предупредить читателя: «Конечно и папы, и послы их в рассуждениях о догматах и обрядах рассуждали на манер своей веры. Однако их мудрствования для нас должны быть чужие» [15, с. V–VI].

Плодотворная деятельность протоиерея Иоанна Григоровича проникнута его христианским отношением к жизни и долгу перед

Богом, даровавшим эту жизнь. Сын Иоанна Григоровича Николай, который впоследствии руководил Архивом и Библиотекой Священного Синода в Санкт-Петербурге, так писал о своем отце: «Прошедшее отечества составляло любимейшую задачу его ученой работы, но в особенности прошедшее его родины и места служения», следуя указаниям «своего знаменитого родственника Георгия Конисского» [11, с. 124–125]. Первые шаги в деле осмысления самобытности и белорусского языка, и белорусской истории трудно переоценить, а корпус архивных документов, собранных протоиереем Иоанном Григоровичем и в дальнейшем не утратит своей значимости для профессиональных историков.

Список источников и литературы

1. Сараскина, Л. И. Граф Н. П. Румянцев и его время / Л. И. Сараскина. – М. : «Наш дом», 2003. – 168 с.
2. Клейменова, Р. Н. Книжная Москва первой половины XIX века / Р. Н. Клейменова. – М. : Наука, 1991. – 240 с.
3. Лабынцев, Ю. «На благое просвещение» / Ю. Лабынцев. – Минск : Российская Академия Наук; Ин-т славяноведения и балканистики; Центр белорусоведческих исследований Министерство культуры РБ; Национальная библиотека Беларуси. – 1999. – 147 с.
4. Козлов, В. П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века / В. П. Козлов. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 416 с.
5. Григорович, И. И. Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. Из древних рукописей / И. И. Григорович. – М. : Типография С. Селивановского, 1821. – 310 с.
6. Грыгаровіч, І. І. Беларуская іерархія / І. І. Грыгаровіч. – Минск : Беларуская энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі, 1992. – 102 с.
7. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 2.
8. Иконников, В. С. Опыт русской историографии. – Т. 1. – Кн. 1 / В. С. Иконников. – Киев : Типография Императорского Университета св. Владимира, 1891. – 882 с.
9. Молчанов, В. Ф. Книжная культура России XIX века. Эпоха, судьба, наследие Н. П. Румянцева / В. Ф. Молчанов. – М. : Пашков дом, 2006. – 468с.
10. Григорович, И. И. Белорусский архив древних грамот. – Ч. 1 / И. И. Григорович. – М. : Типография С. Селивановского, 1824. – 148 с.

11. Улащик, Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н. Н. Улащик. – М. : Наука, 1973. – 302 с.

12. БГАМЛИ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 16.

13. БГАМЛИ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 20.

14. Трухина, Т. А. Рукопись 2-й части «Белорусского архива древних грамот» // Т. А. Трухина. Научно-информационный бюллетень. – Минск, 1961. – № 10. – С. 34–37.

15. Переписка пап с Российскими государями в XVI веке, найденная между рукописями в Римской Барбериниевой библиотеке / [С предисловием протоиерея Иоанна Григоровича]. – СПб. : Императорская Академия наук, 1834. – 116 с.

УДК 271.2-9(476)

А. П. Елопов

ГУО «Гимназия № 10 г. Гомеля»

ВОССТАНИЕ 1863–1864 ГОДОВ В СУДЬБЕ И ПАМЯТИ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Автор исследует характерное для Белорусской православной церкви отношение к восстанию 1863–1864 гг. В период самого восстания большинство православных белорусов его не поддержали. Современная БПЦ противостоит попыткам создать из этого события героический миф белорусской истории. Такая позиция обусловлена не только традиционной церковной установкой на повинование государственной власти и избегание гражданских смут. Деятели БПЦ убеждены, что восстание имело антиправославную направленность и в случае победы обернулось бы поглощением Беларуси Польшей, зато его поражение превратило православие в ведущую конфессию нашей страны и помогло формированию белорусской национальной государственности.

Восстание 1863–1864 гг. (Январское восстание) – одно из самых ярких и неоднозначных событий в истории Беларуси XIX в. Оно привлекает внимание множества исследователей и популяризаторов исторических знаний, а попутно становится предметом острых идеологических дискуссий (обзор некоторых из них см. [1; 2]). В отношении к нему, как правило, расходятся приверженцы «европейского выбора» и «евразийской интеграции».